

Гавриилиада

Автор:

Александр Пушкин

Гавриилиада

Александр Сергеевич Пушкин

«Воистину еврейки молодой Мне дорого душевное спасенье. Приди ко мне, прелестный ангел мой, И мирное прими благословенье. Спасти хочу земную красоту! Любезных уст улыбкою довольный, Царю небес и господу-Христу Пою стихи на лире богомольной. Смиранных струн, быть может, наконец Ее пленят церковные напевы, И дух святой сойдет на сердце девы; Властитель он и мыслей и сердец...»

Александр Сергеевич Пушкин

Гавриилиада

Воистину еврейки молодой

Мне дорого душевное спасенье.

Приди ко мне, прелестный ангел мой,

И мирное прими благословенье.

Спасти хочу земную красоту!

Любезных уст улыбкою довольный,

Царю небес и господу-Христу

Пою стихи на лире богомольной.

Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улынулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право, обманулась:
Я не тебя, – Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селенье был единственный работник.
И день и ночь, имея иного дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,

И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.

Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил – и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей – и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград, забытый, одинокой,
Щедротой таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, – и деве снится сон;
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,

Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, -
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовьию пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,

Сиянье крил и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый -
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. - Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, -
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, -
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,

Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, -
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радостям на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, -
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, -
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылия? к Марии полечу

И на груди красавицы почию!..»

И прочее... всё, что придумать мог. -

Творец любил восточный, пестрый слог,

Потом, призвав любимца Гавриила,

Свою любовь он прозой объяснял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-pushkin/gavriiliada>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)